

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2021.50.54.012

Судебная лингвистическая экспертиза при расследовании коррупционных действий сотрудников ФСИН России

Майстренко Григорий Александрович

Кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной
службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: G.Maystrenko@yandex.ru

Аннотация

В статье проведен анализ правовых аспектов производства судебной лингвистической экспертизы, проводимой в процессе производства по уголовным делам, возбужденным по факту коррупционных действий в органах ФСИН России. Подчеркивается востребованность юридической практикой лингвистической экспертизы по данной категории уголовных дел. Это объясняется тем, что человеческая деятельность опосредована общением, в том числе деятельностью преступная, коррупционная. При этом значительная часть доказательств по делам антикоррупционной направленности имеет вербальную (т.е. словесную) природу. Автором осуществлен анализ научных работ российских специалистов, раскрывающих специфику проведения такого рода процессуальных действий. Сделан вывод о том, что судебная лингвистическая экспертиза при условии объективной оценки ее выводов, изложенных в заключении, может стать весомым аргументом в деле подтверждения/опровержения фактов коррупционной деятельности сотрудников ФСИН России.

Для цитирования в научных исследованиях

Майстренко Г.А. Судебная лингвистическая экспертиза при расследовании коррупционных действий сотрудников ФСИН России // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 3А. С. 150-157. DOI: 10.34670/AR.2021.50.54.012

Ключевые слова

Коррупция, фраза, речевой продукт, высказывание, контекст, судебная лингвистическая экспертиза, анализ, исследование, эксперт, экспертное заключение, семантика, соответствие.

Введение

Государственная власть как особая деятельность, осуществляемая должностными лицами, наделенными законом соответствующими полномочиями, порождает негативное явление, именуемое коррупцией, уровень которой в разных странах и в различные исторические периоды отличается по целому ряду показателей. Неизменным остается только одно – «коррупция существует в любом обществе, которое нуждается в управлении, и искоренить ее полностью невозможно» [Изотов, 2012, 3].

Коррупция как социальный феномен и преступная деятельность представляет собой использование должностным лицом прав, связанных с его профессиональной (служебной) деятельностью с целью личного обогащения [Ананьев, 2010, 164].

Факты проявления коррупционных действий наблюдаются и в учреждениях уголовно-исполнительной системы России, которая по определению призвана предотвращать совершение новых преступлений, а также способствовать исправлению лиц, которые уже осуждены за их совершение [Резник, 2019, 86].

Информация о фактах коррупции должностных лиц Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН) представляет собой особый случай, требующий тщательной проверки на стадии возбуждения уголовного дела и объективного его расследования, поскольку обвинение выдвигается против сотрудника правоохранительного органа, в должностные обязанности которого входит обеспечение законности и правопорядка, защита конституционных прав граждан.

Основная часть

В силу того, что «диапазон» коррупционных действий сотрудников ФСИН достаточно обширен: особые отношения сотрудников с лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы; злоупотребление правами при молчаливом согласии руководства (круговая порука, ошибочно воспринимаемая как корпоративная солидарность); поощрение доноительства со стороны осужденных за предоставление незаконного послабления режимных требований; получение руководителями учреждений уголовно-исполнительной системы взяток за создание особых условия отбывания наказания для отдельных осужденных; вымогательство, при этом «особые коррупционные риски присутствуют при принятии должностными лицами решений о предоставлении условно-досрочного освобождения, перевода осужденных из одного исправительного учреждения в другое» [Савченко, 2019, 102]; сокрытие фактов совершения преступлений заключенными (например, констатация убийства как самоубийства или смерти, наступившей в результате несчастного случая); передача осужденным запрещенных предметов и др., перед следователями стоит довольно сложная задача – получить необходимый арсенал доказательственного материала, способного обеспечить поддержание обвинения в суде.

Одной из форм получения обозначенного материала выступает судебная лингвистическая экспертиза – следственное действие, заключающееся в исследовании речевого продукта сведущим лицом (экспертом), обладающим специальными познаниями в области лингвистики [Майстренко, 2020, 63-65; Майстренко, 2020, 235-239; Майстренко, 2020, 273-277; Майстренко, 2020, 18-21].

Можно утверждать, что судебная лингвистическая экспертиза по делам, «связанным с раскрытием и расследованием коррупционных преступлений, назначается в тех случаях, когда

возникает необходимость на основе специальных лингвистических знаний установить факты, имеющие значение доказательств: наличия или отсутствия признаков коррупционного либо провокативного (подстрекательского) речевого поведения» [Галяшина, 2016, 6]. Важно понимать, что языковые средства манипуляции лексикой можно по праву назвать самыми популярными и широко используемыми среди остальных инструментов речевого воздействия [Шагбанова, 2020, 73].

Предметом судебной лингвистической экспертизы по делам о коррупционной деятельности сотрудников ФСИН России являются лингвистические признаки коррупционной деятельности, имеющие значение для уголовного дела, фактически для квалификации преступления.

Объектом судебной лингвистической экспертизы материалов проверки или уголовных дел о коррупции среди сотрудников ФСИН России является речевой продукт как элемент коммуникативной деятельности, выраженный в устной или письменной форме.

Основная задача проведения экспертного исследования – установление наличия/отсутствия в конкретном тексте лингвистических (не юридических!) признаков коррупционной деятельности.

К коррупционным преступлениям, к ответственности за которые могут быть привлечены сотрудники ФСИН России, относятся составы, предусмотренные ст. 159, 290, 291. 291.1, 200.4, 292, 304 УК РФ [Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ, www].

Определенные трудности использования судебной лингвистической экспертизы в уголовном преследовании сотрудников ФСИН России за совершенные этими лицами коррупционные преступления связаны не только с получением объекта исследования и оценкой полученных результатов, но и с назначением данной экспертизы, поскольку следователь не обладает специальными познаниями, необходимыми для грамотной постановки вопросов эксперту, и не всегда имеет четкое представление о том, какой конкретно объем материала необходимо предоставить эксперту. Тем более что эксперт, согласно п. 6 ч. 3 ст. 57 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, www] вправе отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, а также в случаях, если представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения.

Трудности в постановке вопросов эксперту могут возникнуть не только у следователя, суда, но и у адвоката, намеревающегося обратиться к эксперту с просьбой о производстве несудебной лингвистической экспертизы с тем, чтобы в дальнейшем заявить ходатайство о приобщении полученного заключения к материалам уголовного дела в качестве доказательства – иного документа. Активизация как обвинения, так и защиты в подобной ситуации возможна посредством привлечения специалиста для постановки вопросов эксперту [Гришина, 2015, 25; Гришина, 2015, 420-421].

На исследование эксперту могут быть представлены следующие материалы:

- а) расшифровка диктофонной записи;
- б) данные, полученные в результате применения технологий распознавания речи (например, в ситуации проведения оперативной съемки, когда факт встречи и диалога зафиксирован, но при этом речь на записи невнятная либо не слышна);
- в) письменные документы, выполненные как сотрудником ФСИН, так и иным лицом, например, предлагающим материальное вознаграждение за определенные действия, которые данный сотрудник должен совершить, при этом, как правило, предварительно проводится графологическая или автороведческая экспертиза;

г) аудио, видеозапись или киносъемка, содержащие речевой продукт (при наличии экспертного заключения об отсутствии признаков монтажа);

д) протоколы допроса обвиняемого, свидетелей, а также лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве; при этом для оценки вербальной информации на предмет ее достоверности может дополнительно назначаться комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза [Моисеев, Моисеева, 2019, 166];

е) файлы, размещенные в телекоммуникационной сети Интернет;

ж) распечатка SMS-сообщений и телефонных переговоров, полученная на основании судебного решения у операторов связи.

В процессе производства судебной лингвистической экспертизы эксперт подвергает исследованию и анализу исключительно коммуникативную составляющую диалога [Карпов, 2018, 26-28] либо иного речевого сегмента, а также констатирует возможные способы сокрытия (вуалирования) информации в подобных ситуациях, например, использования «слов-сигналов», в качестве которых могут выступать сленговые или жаргонные выражения, «позаимствованные» из лексики, используемой в криминальной среде (например, денежные средства, передаваемые в качестве взятки, могут обозначаться как «атлас», «бабло, бабки», «котлета» (свернутые в рулон купюры и перевязанные резинкой), «дерево» (рубли), «зелень» (доллары), «компенсация или премия, расходы» за потраченное время, оказанную «услугу»; иные предметы взятки могут именоваться «благодарностью», «презентом, подарком» и т.п.).

Особенности исследовательской деятельности эксперта при производстве данного вида экспертиз заключаются в том, чтобы установить семантическое соответствие речевого продукта высказываниям коррупционного характера, фактически исключая при этом фактор личных неприязненных отношений; агрессии, спровоцированной различными причинами и не связанной с коррупционными действиями, законных требований и просьб (например, вернуть долг, погасить задолженность, возместить ущерб, оказывать помощь матери внебрачного ребенка, дать займы и т.п.), а также ошибочного или бесцелевого использования в речи отдельных оборотов (например, «Будешь по гроб должен», «Ты теперь – мой должник», «Золотым руном не расплатишься», «Век не расплатишься», «Спасибо на хлеб не намажешь», «Спасибо – не красиво», «А что я с этого буду иметь», «Я не негр на плантации – бесплатно не работаю», «Не подмажешь – не подъедешь», «Двадцать первый век – дураков нет» и т.п.).

Определенные трудности исследовательского плана таит в себе диктуемая фактическими обстоятельствами расследуемого события целесообразность анализа конкретного высказывания в рамках целостного речевого материала, исключая ситуации, при которых вывод делается основе анализа фразы, «вырванной» из контекста.

Судебная лингвистическая экспертиза в совокупности с другими собранными по делу доказательствами призвана обеспечить достижение назначения уголовного судопроизводства, которое, как следует из содержания ст. 6 УПК РФ [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, www], включает в себя также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. И в этом смысле заключение эксперта может стать не только обвинительным, но и оправдательным доказательством, опровергающим коррупционный смысл исследуемого речевого материала.

Следует также отметить, что при оценке речевого продукта эксперт-лингвист не вправе давать ответы на вопросы правового характера (если все же предположить, что подобные вопросы будут указаны в постановлении о назначении экспертизы), например, о том, содержатся ли в представленном на исследование речевом материале фразы, подтверждающие

факт вымогательства или провоцирования взятки, ее получение, а также персонифицирующие предмет взятки (денежные средства, ценные бумаги, иные материальные ценности, имущество, информация, услуги и т.п.) или свидетельствующие о совершении должностным лицом ФСИН незаконных действий, направленных на выполнение просьбы взяткодателя, а также о превышении должностных полномочий.

Немаловажную роль играет и адекватная оценка высказываний предполагаемого взяткодателя, адресованных сотруднику ФСИН, поскольку такие фразы, как «Буду лично Вам обязан», «Я в долгу не останусь», «Буду весьма Вам признателен», «Я ни чьих услуг не забываю», «Вы можете рассчитывать на мою помощь и поддержку в любой ситуации, поскольку я – Ваш должник» и т.п., могут обладать не криминальным, а эмоциональным, этическим характером, а также свидетельствовать об определенном образовательном, общекультурном, менталитационном уровне лица, их произнесшего. И в силу подобных обстоятельств они не могут свидетельствовать о намерении сотрудника ФСИН получить обещанное вознаграждение и тем более подтверждать незаконный характер совершенных этим сотрудником в пределах предоставленных полномочий действий (поместить заключенного в лазарет; подписать положительную характеристику или ходатайство об условно-досрочном освобождении лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы, оформить перевод в другую колонию, освободить из карцера или совершить иные подобные действия вполне возможно и на законных основаниях).

В особо сложных ситуациях, возникающих при расследовании уголовных дел о коррупционной деятельности сотрудников ФСИН, приходится дополнительно прибегать к психологической экспертизе.

Методологическая основа судебно-лингвистической экспертизы представлена аудитивно-перцептивным референциальным анализом; анализом структурной и тематической организации текста; методами дефиниционного, контекстуального, компонентного, грамматического, функционально-прагматического, пресупозиционного, а также дискурс- анализа [Матвеева, 2015, 265-268].

Е.И. Галяшина обоснованно отмечает, что «к признакам коррупционного речевого поведения, определяющим потенциальную юридическую значимость результатов лингвистической экспертизы, относятся такие речевые акты, как требование, понуждение, принуждение, просьба, обещание, предложение, уговоры и т.п.» [Галяшина, 2016, 7]. Подобное поведение свидетельствует о намерении лица совершить преступление коррупционной направленности либо подтверждает факт начала/совершения подобных действий.

Заключение

Таким образом, одной из форм получения обозначенного материала выступает судебная лингвистическая экспертиза – следственное действие, заключающееся в исследовании речевого продукта сведущим лицом (экспертом), обладающим специальными познаниями в области лингвистики.

В завершение следует отметить, что судебная лингвистическая экспертиза при условии объективной оценки ее выводов, изложенных в заключении, может стать весомым аргументом в деле подтверждения/опровержения фактов коррупционной деятельности сотрудников ФСИН России

Библиография

1. Ананьев О.Г. Проблема коррупции в уголовно-исполнительной системе (социально-психологические аспекты) // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 164-181.
2. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза коррупционного дискурса: предмет, задачи и компетенции // Вектор юридической науки. 2016. № 8. С. 6–14.
3. Гришина Е.П. Концептуальные и правовые проблемы участия специалиста в состязательном уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2015. 208 с.
4. Гришина Е.П. Участие специалиста в расследовании преступлений коррупционной направленности // Сборник материалов 5-ой Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики». Чебоксары, 2015. С. 419-422.
5. Изотов М.О. Коррупция в современной России: социокультурные основания и формы проявления: дис. ... канд. философ. наук. Иваново, 2012. 24 с.
6. Карпов Д.Л. Алгоритм исследования текста в экспертизах по антикоррупционным делам // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 1. С. 26-28.
7. Майстренко Г.А. Организационно-правовое обеспечение проведения лингвистических исследований в оперативно-розыскной деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы // Закон и право. 2020. № 9. С. 63-65.
8. Майстренко Г.А. Судебная лингвистическая экспертиза по уголовному делу об оскорблении сотрудника ФСИН России как представителя власти // Образование и право. 2020. № 3. С. 235–239.
9. Майстренко Г.А. Судебная лингвистическая экспертиза применения насилия в отношении сотрудника ФСИН России в связи с осуществлением им служебной деятельности // Образование и право. 2020. № 5. С. 273–277.
10. Майстренко Г.А. Судебно-лингвистическая экспертиза: правовые аспекты // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2020. № 3 (178). С. 18-21.
11. Матвеева О.Н. (ред.) Судебная лингвистика. Барнаул: Концепт, 2015. 310 с.
12. Моисеев А.В., Моисеева И.Г. Об алгоритме экспертно-психологического анализа видеозаписи допроса и обработке полученных данных // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 166-171.
13. Резник Ж.Я. Состояние коррупционной преступности в сфере уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 4. С. 85-88.
14. Савченко Н.И. Борьба с коррупцией в России на современном этапе // Юридическая мысль. 2019. № 1. С. 101-104.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 07.04.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699.
17. Шагбанова Х.С. Языковые средства речевого манипулирования // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 5А. С. 72-80.

Forensic linguistic examination in the investigation of corrupt actions of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia

Grigorii A. Maistrenko

PhD in Law, Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: G.Maistrenko@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the legal aspects of the production of a forensic linguistic examination carried out in the course of proceedings on criminal cases initiated on the fact of corruption in the bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia. It is noted that one of the forms of obtaining

the indicated material is a forensic linguistic examination – an investigative action consisting in the study of a speech product by a competent person (expert) with special knowledge in the field of linguistics. The demand for linguistic expertise in this category of criminal cases is emphasized. This is due to the fact that human activity is mediated by communication, including criminal and corruption activities. At the same time, a significant part of the evidence in anti-corruption cases is of a verbal (i.e., verbal) nature. The author has carried out an analysis of the scientific works of Russian specialists, revealing the specifics of carrying out this kind of procedural actions. It is concluded that a forensic linguistic examination, subject to an objective assessment of its conclusions set out in the conclusion, can become a weighty argument in confirming / refuting the facts of corruption by employees of the Federal Penitentiary Service of Russia.

For citation

Maistrenko G.A. (2021) Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza pri rassledovanii korruptsionnykh deistvii sotrudnikov FSIN Rossii [Forensic linguistic examination in the investigation of corrupt actions of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (3A), pp. 150-157. DOI: 10.34670/AR.2021.50.54.012

Keywords

Corruption, phrase, speech product, utterance, context, forensic linguistic expertise, analysis, research, expert, expert opinion, semantics, compliance.

References

1. Anan'ev O.G. (2010) Problema korruptsii v ugovovno-ispolnitel'noi sisteme (sotsial'no-psikhologicheskie aspekty) [The problem of corruption in the penitentiary system (social and psychological aspects)]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology], 4, pp. 164-181.
2. Galyashina E.I. (2016) Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza korruptsionnogo diskursa: predmet, zadachi i kompetentsii [Forensic linguistic examination of corruption discourse: subject, tasks and competencies]. *Vektor yuridicheskoi nauki* [Vector of legal science], 8, pp. 6-14.
3. Grishina E.P. (2015) *Kontseptual'nye i pravovye problemy uchastiya spetsialista v sostyazatel'nom ugovovnom sudoproizvodstve* [Conceptual and legal problems of a specialist's participation in adversarial criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform Publ.
4. Grishina E.P. (2015) Uchastie spetsialista v rassledovanii prestuplenii korruptsionnoi napravlenosti [Participation of a specialist in the investigation of corruption-related crimes]. In: *Sbornik materialov 5-oi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskaya konferentsii "«Aktual'nye problemy yuridicheskoi nauki i pravoprimeritel'noi praktiki»* [Collection of materials of the 5th International scientific-practical conference "Actual problems of legal science and law enforcement practice."]. Cheboksary, pp. 419-422.
5. Izotov M.O. (2012) *Korruptsiya v sovremennoi Rossii: sotsiokul'turnye osnovaniya i formy proyavleniya. Doct. Diss.* [Corruption in modern Russia: socio-cultural foundations and forms of manifestation. Doct. Diss.]. Ivanovo.
6. Karpov D.L. (2018) Algoritm issledovaniya teksta v ekspertizakh po antikorrupcionnym delam [Algorithm of text research in expert examinations on anti-corruption cases]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], 1, pp. 26-28.
7. Maistrenko G.A. (2020) Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza po ugovovnomu delu ob oskorblenii sotrudnika FSIN Rossii kak predstavatelya vlasti [Forensic linguistic examination in a criminal case of insulting an employee of the Federal Penitentiary Service of Russia as a representative of the authorities]. *Obrazovanie i parvo* [Education and Law], 3, pp. 235-239.
8. Maistrenko G.A. (2020) Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza primeneniya nasiliya v otnoshenii sotrudnika FSIN Rossii v svyazi s osushchestvleniem im sluzhebnoi deyatel'nosti [Forensic linguistic examination of the use of violence against an employee of the Federal Penitentiary Service of Russia in connection with the performance of his official activities]. *Obrazovanie i parvo* [Education and Law], 5, pp. 273-277.

9. Maistrenko G.A. (2020) Sudebno-lingvisticheskaya ekspertiza: pravovye aspekty [Forensic linguistic expertise: legal aspects]. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problem* [Representative power – XXI century: legislation, comments, problems], 3 (178), pp. 18-21.
10. Maistrenko G.A. (2020) Organizatsionno-pravovoe obespechenie provedeniya lingvisticheskikh issledovaniy v operativno-rozysknoi deyatel'nosti uchrezhdenii ugovolno-ispolnitel'noi sistemy [Organizational and legal support for linguistic research in the operational-search activities of institutions of the penal system]. *Zakon i parvo* [Law and Law], 9, pp. 63-65.
11. Matveeva O.N. (r=ed.) (2015) *Sudebnaya lingvistika* [Forensic linguistics: monograph]. Barnaul: Kontsept., 310 s.
12. Moiseev A.V., Moiseeva I.G. (2019) Ob algoritme ekspertno-psikhologicheskogo analiza videozapisi doprosa i obrabotke poluchennykh dannykh [On the algorithm of the expert-psychological analysis of the video recording of the interrogation and the processing of the data obtained]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin Lobachevsky State University of Nizn Novgorod], 5, pp. 166-171.
13. Reznik Zh.Ya. (2019) Sostoyanie korruptsionnoi prestupnosti v sfere ugovolno-ispolnitel'noi sistemy [The state of corruption crime in the sphere of the penal system]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara Law Institute], 4, pp. 85-88.
14. Savchenko N.I. (2019) Bor'ba s korruptsiei v Rossii na sovremennom etape [The fight against corruption in Russia at the present stage]. *Yuridicheskaya mysl'* [Legal thought], 1, pp. 101-104.
15. Shagbanova Kh.S. (2020) Yazykovye sredstva rechevogo manipulirovaniya [Language means of speech manipulation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and problems of political research], 9 (5A), pp. 72-80.
16. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 18.12.2001 № 174-FZ (v red. ot 07.04.2020)* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation: feder. Law No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on April 07, 2020)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 [Accessed 13/04/2020].
17. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 24.02.2021)* [The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 24.02.2021)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 [Accessed 13/04/2020].